

#1 2018

Түзүүчү

Зарина Урманбетова

Корректорлор

Дмитрий Соболин

Айдай Алгожоева

Мукабанын дизайны

Наталья Андрианова

Верстка

Аскар Атабаев

Эсимде долбоорунун**жетекчиси**

Эльмира Ногойбаева

Эсимде бул:

Тарыхтагы жана элдин
эсинде көмүскөдө калган
окуяларды, фактыларды,
процесстерди изилдөө
жана аңдал түшүнүү
боюнча талкуу аянтасы.

Бул аяңчага XX-
XXI кылымдардагы
Кыргызстандын жана
Борбордук Азиянын
тарыхына көз чаптырып,
салым кошууга ынтызар,
ар түрдүү кесип
ээлеринин
өкүлдөрү чогулган.

Составитель

Зарина Урманбетова

Корректоры

Дмитрий Соболин

Айдай Алгожоева

Дизайн обложки

Наталья Андрианова

Верстка

Аскар Атабаев

Руководитель проекта**Эсимде**

Эльмира Ногойбаева

Эсимде это:

Дискуссионная
площадка по изучению и
осмыслению процессов,
событий
и "белых пятен",
оставшихся в памяти
народа и истории.
Мы – представители
различных профессий,
так или иначе,
соприкасающиеся
с историей и памятью,
неравнодушные
практики и теоретики,
готовые сделать
свой вклад в осмысление
истории Кыргызстана и
Центральной Азии XX-
XXI веков.

Байланыш:

Сайт: www.esimde.org

Facebook.com/esimdekg

E-mail: esimdekg@gmail.com

Контакты:

Сайт: www.esimde.org

Facebook.com/esimdekg

E-mail: esimdekg@gmail.com

Содержание/Мазмуну

Зарина Урманбетова

Сөз.....5

Сергей Абашин

Интервью.....7

Элери Битикчи

Манас или Ленин: ограничения памяти.....18

Жаркынай Куват

Из архаико-эпического, гендерно-выдержанного
и монументально-патетического.....25

Марлен Ларуэль

Интервью.....29

Зарема Касендеева

Рецензия к фильму Т. Бирназарова «Кош келиңиз, Президент мырза!».....36

Алексей Юсупов

Интервью.....38

Ысық-Көл облысттук мамлекеттік архиви

Архивдик документ.....51

Зарина Урманбетова -
антрополог,
Эсимде долбоорунун
каташуучусу

Сөз

Эсимде долбоору
башталып атканда
өтмүштү, тагыраак
айтканда "өз" өтмүшүбүздү
кандай изилдөө,
талкуулоо, түшүнүү
жана ошол өтмүшүбүз
тууралуу кандай сөз
кылуу керектигинин
үстүндө ой жүгүрттүк.
Ошондо өз иштерибизде/
изидөөлөрүбүздө негизги
бир канча принципti
карманууга сөз берген
элек. Алар:

- Өз тарыхыбызды,
өтмүшүбүздү Өз көзүбүз
менен кароо/көрүү
- Кара-ак деп бөлбөстөн
комплекттүү түрдө,
баардык тармактан кароо
- Ар түрдүүлүккө (көз
караш, турум) ачык болуу
Жогоруда жазылгандар
аркылуу өзүбүз кадимки
эле идеологиялар,
саясаттар, маданияттар,
анын ичинде ыкмалар
(пропаганда, дискурс
ж.б.) сыйктуу эле

конструкттардан турган
чектерди жаратып алсак
керек. Бирок эс тутум
болобу, тарыхпы, коомдогу
гендер, дин, этнос, деги эле
баардык нерсе релятивдүү
(салыштырмалуу)
булуп, кайрадан эле
конструкттардан
турганын эске алганда
журналыбыздын аты жана
заты/маани/маңзызы кайсы
бир деңгээлде долбоорунун
каташуучуларынын атын,
затын дагы чагылдырганга
аракет деп айтсак болот.

НЕМОНОМИФ - бул
дисциплиналар аралык,
деколониалдык аракетке
таянган, Орто Азия
чөлкөмүндө жүргүзүлгөн
изилдөөлөр жана
байкоолор, ар кандай көз
карашты камтыган журнал
катары ойлонуштурулган
демилге табиятында.
Тематикасы боюнча
ар кандай багыттагы
изилдөөлөрдү жана
Орто Азия маданияты

жана коомдорунда болуп аткан ар тармактагы паттерндердин комплекстуулугүн, өзгөчөлүгүн чагылдырмакчы. Идеалдуу түрдө бул демилгени көтөрүп жаткандагы баштапкы ой Орто Азия калктарынын тилинде жана бир канча чет тилде, мисалы Орус жана Англис тилдериндеги иштерден турган, академиялык журнал катары көргөм. Кийинчөрээк, талкуулардан соң кызыккан ар бир киши окуй ала тургандай, академиялык оор тил менен эмес, жалпак тилде болсун деген ойлордон улам самиздат форматында, ар кайсы стилдеги жана Орус жана Кыргыз тилиндеги материалдарды сунуштайбыз. Бул санды Эсимде долбоорунун темасына **эс тутумга** арнадык. Өз

өтмүшүбүзгө кылчайып карап, расмий тарыхта чагылдырылбай калган окуялар, инсандар, айтылбай калган кеп-сөздөрдү изилдөө, аңдап-түшүнүү. Жана эң башкысы бир теманын, инсандын, тарыхтын, калктын/коомдун тегерегинде бир эле эмес, ар кандай, бирден көп мифтер/чындыктар болушу мүмкүн экенине көңүл бургубуз келди. Ушул демилгемди колдогон Эльмира Ногойбаева жана Айдай Алгожоевага, журналдын атын ойлоп тапкан Айжаркын Кожобековага жана мукаба сүрөтүн түзүп берген Наталья Андриановага терең алкыш!

Журналды топтогон-антрополог, Эсимде долбоорунун катышуучусу Зарина Урманбетова.

Сергей Абашин - антрополог, профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге. Интервью в рамках методологического семинара Эсимде. Иссык-Куль - Бишкек.

Алмас Турдумаматов - журналист, член команды Эсимде

Алмас Турдумаматов: Почему термин «память» отделили от термина «история»? Почему память подлежит отдельному исследованию? История и память - это же всё равно прошлое?

Сергей Абашин: Я думаю, что история это наука, набор фактов, подлежащих реконструкции, событий, хронологий, а память - это наше отношение и оценка этого всего с точки зрения сегодняшнего дня, способы и практики отношения к прошлому. По моему мнению, в этом и есть различие. Память более широкое понятие, если история претендует на объективность и академизм, то память связана с эмоциями и переживаниями, с воспоминаниями о предках и стране. Память выделилась в отдельную категорию исследования еще в

первой половине 20-го века. Сейчас память приобрела ещё более важное значение из-за возрастающей эмоциональности и политизации отношения к прошлому. Дебаты о прошлом интересны и важны сами по себе. К примеру, памятник Ата-Бейит, сам по себе интересен, как некий предмет исследования. Или ритуалы - «Бессмертный полк». Его значение для людей исследуется отдельно от самой войны. Сейчас мы видим более четкое разделение памяти и истории как предметов исследования.

Алмас Турдумаматов: Научным миром память рассматривается как отдельный предмет исследования?

Сергей Абашин: Да. Ее изучением занимаются антропологи,

политологи, социологи. Здесь мы наблюдаем междисциплинарный подход. Память не изучается в архивах. Она изучается в повседневности, посредством опросов, наблюдений, интервью. Это принципиально иная методика.

Алмас Турдумаматов: Как возникло изучение памяти?

Сергей Абашин: Изучение памяти возникло в первой половине двадцатого века. Я затрудняюсь ответить на вопрос контекста возникновения. Может быть это был холокост, его осмысление и отношение к нему. Затем к нему добавились другие темы, как например, геноцид армян, который на мой взгляд, возник из темы изучения проблемы холокоста. Сюда же относится тема отношения немцев к

нацистскому прошлому Германии. У них возникло на этот счет множество довольно болезненных размышлений. Эта тематика сформировалась в Европе, после второй мировой войны,

которая дала мощный толчок, изучению этой проблематики. После распада СССР тема изучения памяти стала актуальной и для постсоветского пространства. Тогда в поиске методов изучения и осмыслиения мы обратились к европейским примерам и сейчас мы приступили к освоению этого теоретического языка и опыта, осмыслия того, как можно применить этот опыт ориентируясь на реалии этого пространства.

Существуют разные трактовки памяти. Психоаналитические, социологические, культурные.

Эльмира Ногойбаева: После Второй мировой войны стали появляться свидетельства женщин, подвергшихся насилию в течение военного времени.

Можно также вспомнить резню в Нанкине, тема которой также получила широкий резонанс в обществе.

Сергей Абашин: Теория о том, что какие-то вещи вкладываются в сознание (сознательное, бессознательное) была использована для изучения механизма работы памяти. Разные области изучения памяти пересекаются с другими, допустим с гендерными исследованиями, когда эти исследования пересекаются с проблематикой памяти. И на этих пересечениях появляются новые сюжеты (массовое изнасилование женщин), которые замалчивались и

обнаружение которых дает толчок к исследованию женских судеб, социальных ролей, изменений в них и т.д, как трагические или иные события влияют на самосознание женщин различных культур, регионов или групп. То же самое можно сказать о постколониальных исследованиях, которые также пересекаются с проблематикой памяти, возникают новые предметы исследования. Память как дисциплина в этом плане имеет междисциплинарный характер, взаимодействуя с другими сферами.

Алмас Турдумаматов: Является ли наличие травмы обязательным условием для изучения памяти?

Сергей Абашин: Я не могу сказать, но могу отметить, что проблематика памяти во многом связана с проблематикой

травмы. Мы видим, что наиболее важные темы, которые вспоминаются государством или личностью, тем или иным образом связаны с трагедиями, репрессиями, личными, семейными или государственными травмами. По факту, травма находится в центре проблематики памяти. Но нельзя говорить о том, что память сводится исключительно к наличию травм. Память не имеет сугубо травматической окраски. Мы помним не только о травмах. Всеобщее обращение к травме может быть связано с тем, что это является наиболее интересным, острым и политически чувствительным. Но я не считаю правильным то, что мы ограничиваем себя исключительно тематикой репрессий. Память в каждом конкретном случае работает по разному и

обусловлена разным набором факторов. Личная память стимулирует те или иные воспоминания. Иногда мы видим, что государство, культурно-политическая элита бережет эту травму, поддерживает, сохраняет в различных формах (музеев, ритуалов) довольно продолжительное время. Несмотря на то, что когда государство, элита, поступает подобным образом, оно апеллирует к чувствам, эмоциям, ценностям, можно думать о том, что истинной целью подобного поведения является поддержание государственной идентичности, мобилизации граждан. Проблематика геноцида имеет правовой характер и связана с межгосударственными отношениями, в том числе их финансовым аспектом. Политика памяти - это политика

со всеми вытекающими контекстами, функциями, причинами и факторами. Например в случае германо-французских отношений, деэскалация отношений и исторической памяти происходила сознательно и была направлена на улучшение этих отношений, акцентируя внимание на позитивных моментах истории двусторонних отношений. Это требует усилий, оно само по себе не происходит. В человеческой памяти есть и хорошее и плохое, просто одно иногда забывает другое. Я не думаю, что в отношениях Германии и Франции или французов и немцев были только плохие страницы. Наверняка были страницы, наполненные позитивным взаимодействием. Разные политические акценты в разных контекстах помогают какие-то травмы если не убрать совсем, то

как-то приглушить, сделать менее эмоционально или политически заряженными, а какие-то наоборот сделать более актуальными. В этом и состоит политика, политическое умение, воля элиты. Необходимости нагнетания травм или их пригашения и замалчивания. На это влияет множество факторов, межгосударственные, внутригосударственные, отношение групп населения к этим событиям, которое может быть абсолютно разным и власть вынуждена с этим считаться и искать некий баланс. При этом существует масса факторов. Иногда возникает сугубо прагматическая форма, например в виде какого-либо соглашения по трубопроводу. Конкретное прагматическое решение, при этом подкрепленное

например финансами, может стимулировать определенные действия, ритуалы. Связанные с прошлым эти действия и ритуалы, позволяют закрыть тему или вновь открыть её, заключением экономического соглашения, например. Травма всегда подразумевает чью-то вину, ответственность и это эксплуатируется. Но в то же время эта эксплуатация иногда имеет под собой сугубо политические, прагматические интересы, и цинизм, прагматизм всего этого мы хорошо понимаем. Вопрос связан с нашим отношением к этому прагматизму, поддерживаем ли мы его, находим мы в нём какую-то логику, видим ли задачу, функцию, либо мы считаем, что этот цинизм мешает и несёт с собой разрушение. Понятие вины - это весьма интересная тема. Проблематика

памяти в Германии, по моему мнению, связана не с травмой жертвы, а с травмой вины. И в этом плане, сохранение этого комплекса вины имеет под собой тоже прагматический смысл, не с моральной и материальной точки зрения, а в связи с тем, что чувство вины необходимо самому человеку. Чувство вины входит во многие религиозные системы. Оно поддерживает важные функции в обществе, человеке. И в этом тоже существует важная прагматика. Но должно существовать понимание и обсуждение того, для чего это делается, при этом эксперты должны дистанцироваться и видеть это явление во всей его противоречивости и многообразии.

Эльмира Ногойбаева:
В так называемом «постсоветском лагере»

существуют страны, такие как например, Польша и Украина, чрезмерно эксплуатирующие так называемую «жертвенность», где подобная эксплуатация привела к национализму, насаждаемому на государственном уровне. К примеру, местное самоуправление тратит огромную часть бюджетных средств на переименование различных объектов. Мы всегда смотрим на это с точки зрения пересмотра истории, но ведь существуют и другие риски. Что вы думаете об этом?

Сергей Абашин: Это для меня сложный вопрос. Я не эксперт во внутрpolitической кухне этих стран. Мы видим этот сдвиг в национализм и консерватизм. Что обуславливает этот сдвиг? Только ли политика памяти или политика

памяти просто резонирует с консервативным поворотом? Мы понимаем, что консервативный поворот он больше, шире. Он охватывает в себе огромное количество тем. Кроме истории, связанной с Советским Союзом это и миграция и Европейский Союз. Возможно эти вещи взаимосвязаны, но они друг друга не обуславливают. Я допускаю, что переименования связаны не с консервативным поворотом и идеологией национализма, а с попыткой дистанцироваться и войти в Европейский Союз, перекодировать себя как страну другого пространства, другой истории. Элемент консерватизма при этом не является обязательной вещью. Но вкупе с общим консервативным поворотом и религиозными веяниями,

это приобретает некоторые резкие, радикальные формы и ведет к упомянутым вами рискам. Риски здесь правильные. Лица, принимающие политические решения, всегда должны тщательно оценивать те риски, которые влечет за собой принятие того или иного политического решения, а думающие об этом эксперты должны понимать, что у любых решений есть как позитивная так и негативная сторона, которая может оказывать различный эффект, и эту противоречивость необходимо всегда видеть, оценивать и предъявлять политикам и обществу. Я согласен с вами, что во всём есть свои сложности и риски.

Эльмира Ногойбаева:
В Кыргызстане весь советский период,

включая независимость, практически не изучен. Может быть это не только проблема Кыргызстана? Может быть такая же ситуация и в России? Можно ли сравнивать? Или в России, за счёт того, что она была центром советской империи, больше подобных исследований?

Сергей Абашин: В России наверное чуть побольше исследований, но не потому что это центр, а потому что там больше институтов, больше денег, больше людей, более развитая инфраструктура, изучению уделяется больше внимания. Есть разные степени изученности разных стран. Но при этом, безусловным является то, что двадцатый век не изучен. Имеется огромное количество белых пятен. Многие документы, факты, события, люди для нас являются открытием,

документы, которые мы видим впервые, масса неизученных тем. Нет языка, на котором мы могли бы об этом говорить. Я согласен, период абсолютно не изучен. Не изучен он, поскольку изолированная советская традиция изучения рухнула, не сумев себя воспроизвести, а новая традиция изучения по разным причинам (финансовым, организационным, политическим) не сформировалась. Мы не знали, как изучать, мы еще не успели отойти от этого времени, чтобы как-то на него смотреть. Наш взгляд на советское время политизировался и эмоционально окрашен, происходили споры, кто за, кто против. Это не является изучением, а является политической, либо иной дискуссией.

Но сейчас появляется все больше и больше

исследований с возрастающим применением академического языка. Возможно, это связано с приходом нового поколения, у которого отсутствует личная вовлеченность, и оно способно к проведению адекватных исследований этого периода времени.

Алмас Турдумаматов: Как лучшим образом проводить исследования проблематики восстания 1916 года, без болезненного затрагивания geopolитических моментов в кыргызско-российских отношениях?

Сергей Абашин: Кстати говоря, 1916 год изучен достаточно основательно. Основная масса документов по этому периоду опубликована в 20-30 гг. прошлого века. Я согласен с вами, что должна быть

собственная основанная на собственном языке и осмыслиении традиция изучения истории, описанная собственными специалистами. Хотелось бы вернуться к тому, что основная масса документов по событиям 1916 года и канва событий известна, известно количество погибших и беженцев. Нельзя назвать эти события «белым пятном», где нам ничего неизвестно. Здесь всё примерно понятно и проблему я вижу не в неизученности этих событий. Проблема возникла с тем, как вспоминать об этом времени. Мне кажется, испугались обострения, того что это будет использовано для нагнетания каких-то негативов. Я думаю, что эти страхи были сильно преувеличены. Если вспомним 1916 год, то он уже давно проговорен. Все знают, что это было

восстание которое было жестоко подавлено, были взаимные сложности, людей возвращали и так далее. Здесь нет никаких обострений, новых резких, неожиданных интерпретаций, которые повлияли бы на безмятежность кыргызско-российских отношений быть не может. Страхи были больше, чем предполагаемый ущерб для межгосударственных кыргызско-российских отношений, либо для разных точек зрения внутри Кыргызстана.

Алмас Турдумаматов: 1916 год- национальная травма. Почему-то люди не хотят вспоминать об этом, проявляют равнодушие. Есть ли подобная проблема в России? Насколько я слышал, в России тоже не любят вспоминать Гражданскую войну.

Сергей Абашин:

Нежелание вспоминать, равнодушие является своего рода прагматизмом, поскольку некоторые думают, что подобное воспоминание послужит дестабилизации отношений. Либо это и есть сама травма, поскольку забывание травм и негативных событий, в теории памяти есть один из способов отношения к травматическому прошлому. Это касается даже конкретных людей. Мы не хотим вспоминать, нам страшно пережить это, нам неприятны эти воспоминания, мы не хотим об этом думать. В качестве примера для конкретных людей можно привести изнасилования женщин. Женщины иногда не хотят об этом говорить, убирают эту тему из своей жизни и своей памяти, потому что это слишком травматично. С другой стороны, травма, загнанная в угол может

давать некие психические эффекты, нервозность. При этом иногда переносят личностную, психоаналитическую сторону на общество в целом. Возможно что общество хочет забывания, но при этом, возможно, забывание превращается в неосознанные проблемы этого общества.

Эльмира Ногойбаева:
Мне кажется, что люди не хотят вспоминать, потому они хотят забыть травму. Это связано с геополитической прагматикой. Другое дело, что возникает дискуссия, в которой память неизменно присутствует, травма не забывается. Были различные дискуссии, в ходе которых эта тема эксплуатируется. Отношение к теме 1916 года не выработалась, концептуализация, предложенная

государством, не устроила общество, которое предпочитает замалчивать и игнорировать эту тему. При этом на открытии памятника этим событиям присутствовала вся государственная элита. Таким образом, события 1916 года превращаются в своего рода внутренний фетиш. При этом отношение общества абсолютно не сложилось и это страшно.

Сергей Абашин: Я согласен с тем, что событие как таковое нам известно, но отношение в обществе к нему не сложилось. И тут нужно размышлять и исследовать, почему. Мы можем выдвигать разные гипотезы, но требуются дополнительные исследования (опросы, интервью), чтобы понять, почему люди не хотят об этом вспоминать. Юбилей (1916 года) был скомкан, и у него не было ясной концепции. С точки зрения

эксперта, это говорит о наличии сильного раздрайя в обществе, об отсутствии общественного консенсуса по поводу представлений об обществе в целом, общественных интересов. Отсюда происходит столь невнятное отношение к юбилею.

Алмас Турдумаматов:

Может быть мы просто сравниваем с классикой, Холокостом, геноцидом армян? Может быть в других странах происходит тоже самое? Может быть мы просмотрели? Нам кажется есть классика, армяне и евреи, и всё должно быть так?

Сергей Абашин: Я согласен. С другой стороны, это говорит о том, что не нашлось

группы элиты, ученых политиков, интеллектуалов, лидеров, которые могли бы предложить какую-то новую, иную, нестандартную концепцию воспоминаний о 1916 году, с тем, чтобы сохранить это в памяти другими средствами, инструментами, с учётом запроса нового поколения, молодёжи, без навязывания стандартных ритуалов, официоза, ведь это избыточный и неработающий механизм, здесь нужны новые инструменты. А если такой группы и такого

предложения не нашлось, это говорит о наличии в стране сложной и непростой ситуации, где это непросто обсуждать, где нет идей, как это обсуждать, где существует множество навязанных извне преувеличенных страхов, что это что-то нарушит, разрушит в стране.

Видеоинтервью: <https://www.youtube.com/watch?v=MeFzXttBJz0>

Элери Битикчи - историк, философ

Манас или Ленин: ограничения памяти

Образы Манаса и Ленина – это не только исторические или мифологизированные лица, но еще и целый ряд идей, стоящих за этими именами. За именем Манаса стоят идеи или мифы о былой славе кочевого народа, уникальность и древность культуры, ностальгия по былым подвигам и свободе. За именем Ленина стоят идеи или мифы о мировой державе, бросившей вызов капиталистической системе, мечты о социальной справедливости и общности колLECTивизма, желания поменять существующий порядок. Таким образом, Манас – это не просто эпический

герой, но еще и идеи образа жизни кочевой цивилизации, в то время как Ленин – это также идеи коммунизма или социализма.

При всем этом, у Манаса и Ленина много общего, чем может показаться на первый взгляд. Оба этих имени связаны с мифом о «золотом веке» у кыргызов, и также выступают в роли спасителей народа от истребления или поглощения другими народами. Общие функции этих образов создают конкурентную среду за доминирование идей, стоящих за именами Манаса и Ленина, поэтому в этой борьбе идет не только агитация за идеи, но и очернение

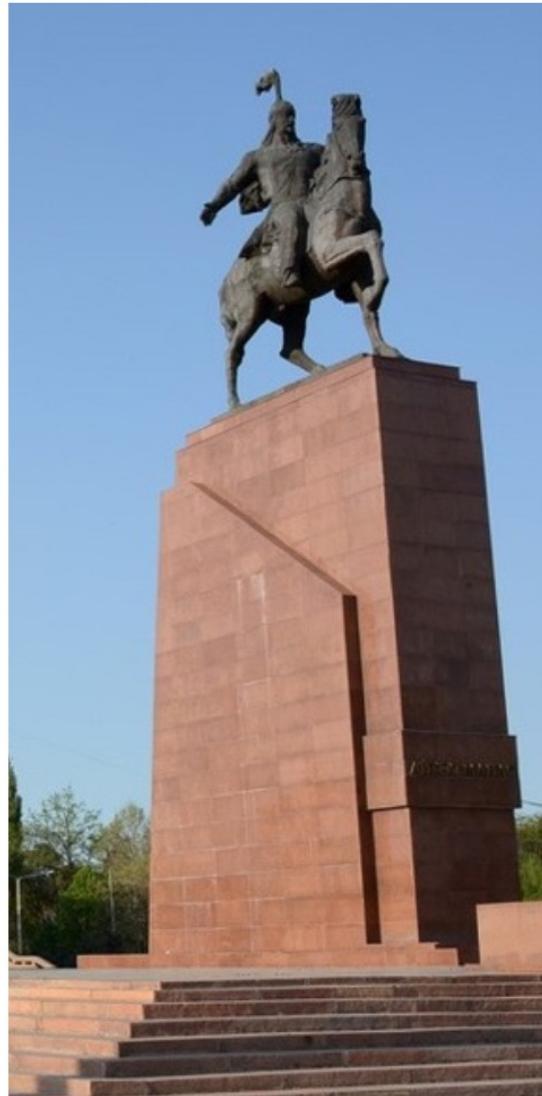
противоборствующих образов, идей и сторонников. В этой борьбе, судя по всему, побеждает третья сторона, которая связывает все вышеперечисленные идеи о золотом веке, спасительной миссии, справедливости, былой славе и т.д., с образом пророка Мухаммеда. Для удобства восприятия ниже я буду брать в кавычки имена этих героев, в случае если будет подразумеваться комплекс идей, стоящих за тем или иным именем. То есть Манас, Мухаммед, Ленин – это имена, а «Манас», «Мухаммед», «Ленин» – это все что связано с этими именами, включая идеи, образ жизни, «золотой век», спасительная или мессианская миссия и т.п. Это не только герои, но и эпохи которые ассоциируются с “золотым веком”, идеалом к которому необходимо

стремится обществу. Их можно назвать фигурами-направлениями или направляющими фигурами.

Интересно, что советский период сделал «Манаса» (кочевничество) и «Мухаммеда» (религию в целом и ислам в частности) – «прошлым», а «Ленина» (коммунизм) – «будущим» не только для страны, но и для всего человечества. Теперь же определенного официального будущего у страны нет, и только некоторые группы населения выбирают для себя будущее, с видимым перевесом «Мухаммеда». То, что считалось канувшим в прошлое, вдруг становится будущим, а светлое будущее, манившее к себе огнями коммунизма, становится в одночасье прошлым. Могут ли вернуться «Манас» и «Ленин»?

Прежде всего, следует задаться вопросом, почему люди начинают считать те или иные идеи «ушедшими в прошлое», будь то идеи, связанные как с личностью, или независимые от нее? Почему вдруг идеи теряют своих сторонников или приобретают новых?

Сейчас трудно сказать насколько существовали «Манас» и «Мухаммед» до советского периода. Скорее всего, скрытая конкуренция между официальным ханафитским мазхабом, удобным для Кокандского ханства или Российской империи, и суфистским синкретическим народным исламом, все-таки имела место быть. «Манас» был эпическим героем, спасителем народа от чужеземного господства, героем, консолидирующим народ, и при всем этом, это были больше уроки

истории, без какого-либо выбора будущего. То же чужеземное господство было не таким уж и темным и страшным, если принять во внимание, что отец Манаса, Жакып, стал одним из богатейших людей в империи кытаев. В «Манасе» присутствуют больше идеи самоопределения и консолидации народа и собственного государства – эля. Тот миф о «золотом веке», связанным с «Манасом» был больше связан с героическими деяниями борьбы и войны, привлекательен для людей «длинной воли», но никак для мирных торговцев и скотоводов.

«Мухаммед» же гарантировал вечное светлое будущее для всех людей, кто выбирал дорогу веры, даже после смерти, а времена праведных халифов рисовали идеальный «золотой

век» для верующих. Таким образом, «Манас» проигрывал в отношении как прошлого, так и будущего, которое было не таким идеальным и красивым, как прошлое и будущее связанное с «Мухаммедом».

В советский период эти две идеи, если не снес, то очень сильно придавил «Ленин». «Ленин» вместе с образом, именем и идеями не мог гарантировать светлую загробную жизнь, но обещал счастливую жизнь потомкам сегодня живущих. Свет, который нес «Ленин» должен был быть ярче по сравнению с темным прошлым. Поэтому коммунистическая идеология рисовала в мрачных красках время до прихода Ленина и советской эпохи («Ленина»), таким образом, намеренно очерняя конкурирующие в одной сфере идеи.

В советский период казалось, что «Манас» и «Мухаммед» должны уйти в прошлое, что они и есть прошлое, причем совершенно темное и непривлекательное. Но после раз渲ала Советского Союза, будущее («Ленин») ушло в прошлое, а «темное прошлое» в лице «Манаса» и «Мухаммеда» стало настоящим, и теперь конкурирует друг с другом за будущее. Борьба между этими тремя фигурами-направлениями не дает пространства для маневра и смешения идей.

При этом все три фигуры-направления отражают потребность общества в герое-спасителе и отражают привычку общества к патронажной системе власти. Государственность, где государство ассоциируется с сильным авторитарным лидером, все еще является преобладающей

формой организации общества сверху во всех трех направлениях. В этом отношении все три фигуры действовали от имени сакральных сил, которые считались выше человеческого понимания. Если Манас и Мухаммед действовали от имени божественного предопределения, то и Ленин действовал от имени «неизбежных исторических процессов» подтвержденных новой, почти церковной силой, обладающей монополией на истину в современности – наукой. Легитимность действий подтверждалась не божественной волей, подкрепленной множеством служителей религии, а советской интеллигенцией – новыми служителями новой единственной истины. Божественной миссией же становится Прогресс.

Если вспомнить старую

триаду Макса Вебера о трех типах власти – традиционной, харизматической и рационально-легальной, то первые два типа наиболее нуждаются в мифе. И три фигуры-направления, которые сейчас борются друг с другом на основе собственной мифологизации, отражают запрос общества не в законности и общих правилах, а в избранном небесами или историей лидере, который поведет за собой народ и построит справедливый порядок. Даже у либералов такой фигурой-направлением становится сингапурский пример, который по сути ничем не отличается от «Ленина», в смысле форсированной модернизации страны. В основе этих фигур-направлений лежит тот самый **«герой с тысячью лицами»**, один и тот же путь, который

проходит мифический герой-спаситель, то, что Джозеф Кэмбелл назвал «мономифом». Возможно, что выбор трех фигур-направлений, схожих функционально – личность в истории – связан с какими-то физиологическими особенностями человека. Ч. С. Шеррингтон впервые сформулировал «принцип воронки» – количество поступающих в центральную нервную систему импульсов пре-восходит возможность качественно отличных рефлекторных ответов. Человек на многие вызовы выбирает один и тот же проторенный путь из-за физиологических особенностей нервной системы. Принцип «воронки Шеррингтона» в том, что на станцию под названием «человеческое мышление» приходит 5 поездов, но выходит один. Таким

образом, постсоветские либералы будут выбирать сингапурское чудо, не потому что этот путь лучший для страны третьего мира, а потому что в них сидит «Ленин», который жестко и авторитарно поведет свою страну к модернизации, во благо всех и вся. Каким образом бороться с такими проявлениями мономифа, когда даже либералы выбирают далеко не либеральные авторитарные методы ради прогресса? В первую очередь помогает самоанализ и открытые дебаты, потому что «воронка Шерингтона» – это не приговор, а рефлекторная реакция. Станцию под названием «человеческое мышление» можно модернизировать, при этом не форсированно и силовыми методами, а простым предложением новых альтернативных

взглядов. И противостоять постсоветской идеи о роли личности в истории, может идея роли закона в истории. История может превращаться в память, которая в отличие от идеологизированной научной истории, может делать выводы и расставлять акценты и приоритеты. В периоды кризиса идей и навала слишком человеческого, мыслители обращаются к природе, как к альтернативному источнику легитимизации предложенных направлений развития. Избегая фигуры-направления, в этом случае предлагается закон, единые правила для всех, как это существует в природе. Это один из способов заменить мономиф о героях-спасителях на закон для всех и принятие его через диалог, приход разнообразного как сама природа «немономифа».

Жаркынай Куват -
блоггер

Из архаико-эпического, гендерно-выдержанного и монументально-патетического.

В одном прекрасном селе, замечательные люди решили увековечить свое бесподобное прошлое в лице незабвенного героя. То ли былинного, то ли эпического, уж мало кто помнит. Нашлись из сельчан финансово ёмкие и авторитетные, спортивного стиля ребята. Поговорив со знатными аксакалами села, нашли они нечто общее в родословной славных – себя и того самого эпического некогда баатыра. Сказано – сделано. За ценой никто не постоял. Местный скульптор ваял недолго. Больше выслушивал советы, воспоминания старцев (хоть те в ту пору

и не родились), пожелания авторитетнейших из сельсовета, местного муниципалитета. Люди ходили, советовали. Больше всех советовал, переживал и воображал тот самый-самый. Чье насыщенное героикой прошлое, подтверждённое широтой кошары и глубиной барсетки, обосновалось пышным генеалогическим деревом, века – полтора давности. Он-то больше всех и бдел. Стремился, чтобы были соблюдены все правила и каноны скульптурно-эпического искусства, нравственности и морали. Ну и, разумеется, местного, «киргызского менталитета».

В тот долгожданный день, когда скульптура была готова, собрался народ на центральной айыльной площади, возле школы и собеса. Зарезали к этому событию кобылу, барашка. Все как положено. Монументальный «бет-ачар» начался с опозданием на 3 часа – все было выдержано в традициях и устоях народа.

Когда пурпурная, специально для этого привезенная с Дордоя ткань спала с великих плеч к ногам легендарного батыра, все ахнули. Это был слепок мужчины ростом в два аршина, с мужественным лицом, с большой камчой, гипнотически смотрящий вдаль, прямо в поле.

«А чего это он пеший-то!» – вдруг раздался голос любопытного Толок-ата. Этот вредный старик был вездесущ и неутомим. Он

с утра слушал все новости по «Азаттык», а потом разносил людям. Был без комплексов, не солиден, говорлив и уже давно любопытен не по годам.

Нахмурил чело прашур-авторитет. «Болбойт!» – поставил точку он. Его новый Range Rover одобрительно пыхнул, свысока оглядел народ: «Не дело это, такой чел и без коня-то». На том и разошлись.

Прошел месяц, потом еще один. Собрался народ на площади на второй «бет-ачар». Скинули торжественно дордойский пурпур и ахнули! Стоял перед ними конь невиданной

красы и мони. Восседал на нем, там, где-то уже высоко, эпический герой, который уже не занимал умы общественности.

Конь был так величав, так хорош. Зацокали белобородые аксакалы, закудахтали апашки с энешками,

закачали восторженно головами келинки.

«А чего это он без органов-то?» – вдруг раздался изпод коня знакомый голос Толок-ата.

Все замерли.

«Ну, да. Нет здесь ничего», – завизжал правозащитный старец.

«Как нет?» – усомнились люди и ринулись проверять, проводить экспертизу. Убедившиеся, выползали с вытянувшимися лицами и несказанным разочарованием.

«Менимче, бул ургачы», – поставил точку Толок-ата.

Встрепенулся тут Прашур, покраснев, позеленев, подскочил он к скульптору, схватил за шиворот и давай трясти: «Ты чего?

Опозорить хотел моего чоп-чоң аташку!? Ты зачем его на кобылу, клячу эту посадил!?).

Надо сказать, что действие происходило на самой сакрально-батырской территории. Самой маскулин-

ной области Кыргызстана, особенно в части верховой езды. Затрепетал художник, упал в ноги, откашлялся и говорит тихим голосом: «Вы же сами велели как можно по-моральнее, по-божественнее, чтобы ни чета черни земной,

чтобы небесной красоты, облика и морали был конь. И чтобы не подобраться! Вот я и сделал как многие известные мировой величины скульпторы», – стал оправдываться он.

Странно было слушать всю

пеструю толпу. Никто не возмущался отсутствием самих естественных деталей живого коня. Возмущал народ только пол животного. Непонятно как установленный за отсутствием оного.

«Даю тебе, творец
ты такой-сякой
недоделанный, неделю, -
закричал пращур в гневе.
- Если не сделаешь, как
положено, испытаешь на
себе участь этого скота».

Громко хлопнул дверью
негодящего, пыхтящего
рядом автомобиля Range
Rover и удалился в клубах
пыли восвояси.

В общем, включил местный
скульптор все свое
эпическое воображение,
страх небывалый и
чабанское прошлое и
наваял...

Стоят теперь по
площадям и весям, по
всей стране батыры

на батырских конях со
всеми необходимыми
и соответствующими
эпическим стандартам
пращуров причиндалами.
Гордости небывалой,
памяти несусветной.

Эпической красы
и мужественности,
олицетворяя всю силу
и мощь бесподобного
прошлого и амбиций
настоящего.

Просто не Кыргызстан, а
батыр-ленд какой-то!

Зарина Урманбетова: Өзүңүздүн изилдөө тармагыңызды кандай деп аныктай элеңиз? Чөлкөм таануубу же антропологиябы, же саясат таануубу?

Марлен Ларуэль: Мен өзүмдү көпчүлүк учурда чөлкөм таануу адиси катары көрөм. Ошондуктан өзүмдү биринчи кезекте "Орусия таануучу" жана "Борбор Азия таануучу" деп аныктайт элем. Кайсы бир илимдин тармагына таандык болуу менин изилдөөлөрүмдү аныктоодо маанилүү ролду ойнотт. Мен тарых жана саясат илимдерин бир убакта окугам. Оюмча, азыркы коомдордун тарыхын түшүнүү абдан маанилүү. Ыкма же метод жагынан караганда, өзүмдү азыркы саясатты түшүнүү үчүн антропология, маданият таануу жана интеллектуалдык тарыхты айкалыштырган "мультидисциплинарист" окумуштуумун деп эсептейм.

Зарина Урманбетова: Пост-колониалдык коомдор арасында кандайдыр бир айырмачылык барбы? Орто Азия өлкөлөрү ушул контексте кандай айырмачылыктарга ээ?

Марлен Лаураэль: Орто Азия коомун пост-колониалдык деп эсептөөгө мүмкүн экенине көзүм жетпейт, себеби, мындай көз караш Советтер Союзун колониалдык борбору Орусия жана колониадык периферия, республикалыры болгон империя катары кароо дегенди билдирип калат. Советтер Союзу карама-каршылыктуу түзүлүш болгон. Анткени ал "салттык" колониялар өзүнө каратып алгандарга караганда өз жарандарына көптөгөн укуктарды жана тенденции бере алган. Балтика өлкөлөрүндө кээ бир айырмачылыктар болгону менен Советтер Союзундагы калктын көпчүлүгү

Союзду өз өлкөсүндөй кабыл алган, бирок мынданай кабыл алуу колониалдык үстөмдүктүн жыйнытыгы катарында болгон эмес. Албетте Орто Азия калкы учун тил жана тарыхты кайрадан жазуу сяктуу маселелер “колониалдык” үстөмдүктүн натыйжасы катары көрүлүшү мүмкүн, ошол эле учурда Советтик жана коммунисттик тажрыйба “колониалдык” аспекттерден такыр башка баалуулуктарга жана коомдук механизмдерге таянган. Андай болгону менен, пост-колониалдык изилдөөлөр кызыктуу изилдөө багыттарын жана усулдарын сунуштоо менен азыркы көптөгөн маселелерди биздин кабыл алуубузду кайрадан карап чыгууга жардам берет. Ошондой эле Батышка багытталган шарттуу көз караштан четтөөгө жана өз ара аракеттешүүлөр, күзгү оюндары, өз ара өздөштүрүүлөр, маданий

трансферлер, кайрадан интерпретацияоолор сяктуу феномендерди алмаштыра алганга чейин изилдөөгө мүмкүнчүлүк берет.

Зарина Урманбетова:

Орто Азия өлкөлөрү/калкы эстөө/эскерүү боюнча кандай өзгөчөлүктөргө ээ?

Марлен Ларуэль: Орто Азиядагы эстөөнүн өзгөчөлүктөрү төмөнкү нерселерди камтыйт: маданияттын негизги муундар аралык берилүүсү 20-кылымда талкалантган; Орус падыша тушундагы элиталардын көбүнчилекцияланган же айдалган, 1920-жылдары пайда болгон жаңы элиталар Сталиндик репрессия аркылуу жок кылынган, андан соң согушта милиондогон киши өлүп, социалдык негиз бузулган. Орто Азиянын көчмөн калкы эң чоң өзгөрүүгө дуушар болгон, өзгөчө казак элиниң учтөн

бир бөлүгү өлүп, дагы учтөн бир бөлүгү зордукчул отуруктاشтыруу/ коллективдештириүүнүн айынан чет жерлерге качышкан, бул 1920-1940-жылдардагы “жаңы” казак мамлекети калктынын учтөн бир гана бөлүгүнөн түзүлгөнүн билдириет. Кадимки муундар аркылуу өткөрүү өткөн

кылымдын экинчи жарымында гана иштеп, бирок жарым кылым кайсы бир деңгээлде толугу менен болбосо дагы жоготууга учуралган. Андан кийин, 1990-жылдары эс-тутумдун кийинки “жоготуусу” орун алды: милиондогон киши чөлкөмдөн чыгып кетти, өзгөчө жогорку жөндөмдүүлүүккө жана билимге ээ этникалык азчылыктар, милиондогон киши иш ордуларын өзгөртүп, Советтик мадук кызматтарды жеке секторго алмаштырышты, жана дагы Түркмөнстан жана Өзбекстан сяк-

туу өлкөлөрдө ариптин өзгөрүүсү, кайсы бир деңгээлде Советтик мезгилдеги улуттук адабияттын бузулусу билимдин/ маалыматты өткөрүп берилүүдө жаңы “боштукуту” жаратты.

Зарина Урманбетова:

Сиз чөлкөмдө медиа (аудитория), маданият изилдөөлөрү жана көптөгөн дискурс, баяндардын (нарратив) анализи боюнча изилдөөлөрдүн жокко эсе экенин айтып өттүнүз, сиздин оюнузча Орто Азияда бул тармактарды изилдөө боюнча компетенция барбы? Мынданай изилдөөлөр кандай жүргүзүлүшү жана сунулушу көрек? Эс-тутумду изилдөөдө бул тармактарда жасалган изилдөөлөр кандай салым кошо алат?

Марлен Ларуэль: Ооба, Орто Азия телевидениеси боюнча изилдөөлөрдүн жоктугу абдан таң кала-

арлык болду мен үчүн. Себеби, телевидение ар бир киши көргөн жана күндөлүк көрүнүштөрдү, ошондой эле адаттарды теренден калыпка салуучу негизги маданий медиа болуп эсептөт. Мынданай көрүнүш Орто Азия боюнча жүргүзүлгөн изилдөөлөрдүн полистик маселелер менен калыпташынан болуусу мүмкүн: медиа таануучу окумуштуулар жалпысынан көз карандысыз журналисттерди жана “оппозициялык” медианы окутуу үстүнөн иштеп, ошол эле учурда негизи телевидение аркылуу ишке ашкан массалык маалымат каражатын камтууга көнүл бурган эмес, бул бүгүнкү күндөгү Орто Азиянын “болмушун” (бытиесин) түшүнүүдөгү эң олуттуу “боштук”. Аудитория (гезит окуучулар, түркмөнчүлөр) боюнча дагы абдан аз маалымат бар, бирок бул көрүнүштүү чөлкөмдөгү өлкөлөрдүн

терен социологиялык изилдөөлөргө уруксат бербегендиги менен түшүндүрсө болот. Мынданай изилдөөлөр эс-тутум процесстерин түшүнүүдө абдан маанилүү болмок, мисалы мынданай учурларда: кимдир бирөөлөрдүн үй-бүлө жана жөнөкөй маданий продукт (мисалы мини-сериалдар) аркылуу өткөрүп берген күндөлүк жашоодогу эс-тутум мамлекеттин жалдоосу менен чыгарылган баяндардан күчтүүрөөк таасирге ээ экенин белгилүү да.

Зарина Урманбетова: Сиз изилдөөчүлөр Орто Азия боюнча изилдебей калган тармактарды белгиледиңиз (эс-тутум, үй-бүлө перспективасынан алганда эс-тутум, жашыруун экономика, Советтик мезгилдеги тынч мезгилдер), сиздин оюнуз боюнча эс-тутум изилдөөлөрү чөлкөмдө эмне себептен популярдуу эмес?

Марлен Ларуэль: Менимче, бул эки негизги тенденциянын жыйынтыгы. Орто Азия таануу тармагы өткөөл чак, авторитаризм, жарандык коом, ислам, коопсуздук, геосаясат, гендер сыйктуу негизги багытка айланган пикирлердин үстөмдүгүнө душар болгон. Ушул темалар басымдуулук кылып, башка суроолорго орун калтыrbай койгон. Маданият таануу жана күндөлүк турмуш, "баналдуу улутчулук" кыйла эле биздин көз жаздымбызыда калган. Мындан сырткары, менин оюмча, жакынкы убакытка чейин эле Батыштын илимий чөйрөсү бүгүнкү Орто Азиядагы Советтик эмес элементтерди этибар албай, чөлкөмдү Орусиядан жана Советтик мурастан четтете турган борбордон качма компоненттерге көңүл буруп келген. Ошондуктан "борборго умтулган" компоненттерди жана

чөлкөмдүн он же терс болсо дагы Орус/Советтик өтмүшү менен байланыштырып турган эс-тутумдун баардык татаал катмарларын изилдөөнү кыйыр түрдө "унутуп" койгон.

Зарина Урманбетова: Сиздин презентациядан кийин биз деколонизация, де-Советизация, де-Русификация жана пост-колониализм/колониализм терминдерин талкууладык. Бул терминдердин айырмачылыктарын бизге айтып бере аласызбы? Орто Азиялык окумуштуулар/изилдөөчүлөр өздөрүнүн тарых жана эс-тутум изилдөөлөрүндө кайсынысын колдонуусу туура болот?

Марлен Ларуэль: Биринчиден, колониалдык, Царист заман жана Советтер Союзу учурларын бөлүп кароо маанилүү экенин унупайлы, булар өз ара күч,

маданият жана калктардын өз ара аракеттенишүүсүнүн курулушунда абдан аз окшошуктары бар.

Экинчиден, де-Советизация өзү эле абдан татаал термин, аны түшүнүү үчүн биринчи кезекте "Советтик" деген эмне экенин аныктап алышыбыз керек. Саясый режим, экономикалык түзүлүш, социалдык байланыштар, дүйнөгө болгон көз караш, маданий натыйжалар, болмуш? Сиз саясатты, экономиканы, дүйнө таанымды "де-советизациялай" аласыз, бирок социалдык жана маданий аспекттер абдан татаал жана социалдык негиздин түпкүрүндө орун алган. Андан сырткары, Советтүүлүк улам алмашып турган: Сталиндин убагын-дагы Советтүүлүк Брежневдин акыркы убагындары Советтүүлүккө таптакыр окшошпойт. Анын үстүнө, толугу менен "де-Советизация" болушу мүмкүн эмес:

Орто Азияга режимдин эң жаман учурунда жеткен массалык сабаттуулук, Сталинизм, жана дагы деле биз ошол мурастан ажырагыбыз келбейт.

Үчүнчүдөн, де-Русификация де-Советизациянын синоними эмес: Советтүүлүк улуттук болгон жана жергиликтүүлүк менен бекемделген, башкача айтканда Советтүүлүк Орто Азиялык болуу, Орус, Украиналык болуу... Русификация болсо такыр башка процесс, тил, маданият, демография. Бирок мен көпчүлүк учурда де-Русификация азыр Орусия тараптан келип жаткан идеологиялык билдириүүлөрдөн аралык алуу деп эсептейм. Бул

де-Русификациянын өзүнөн дагы, чөлкөмдөгүчүн же элестетилген болсун- Орусия медиасынын таасири жана "жумшак күчүнө" байла-

ныштуу.

Менимче Орто Азия Орусия жана орус тилин билүү менен кандайдыр бир байланышызыз ааламдашкан дүйнөдө активдүү актор/тарап/күч боло албайт, жок дегенде жакынкы келечекте мындаи нерсе мүмкүн эмес. Ошондуктан де-Русификация жакындыкты жана провинциалдуулукту билдириет, андайдын көреги жок. Орто Азия Орус дүйнөсүнөн, ошондой эле Советтик өтмүштөн эмнени сактап калгысы жана "улутташтыргысы" келгенин билдириген "тандалма мурас" жолу керек,

Зарина Урманбетова: Изилдөөчүлөр/окумуштуулар изилдөөлөрүнүн анти-Советтик, анти-Орустук жана деги эле куугунтуктоочу абалга түшүп калбаш үчүн эмне кылуулары керек?

Марлен Ларуэль: Орто Азиянын "де-колониалдашусу" тууралуу жүрүп жаткан талкуулардагы бирден бир чоң маселе - кишилердин курмандык, өздөрү жасай албаган тарыхтын пассивдүү объектиси катары позициялануусу. Биринчиден, эч ким эч качан пассивдүү курмандык катары эсептелбейт, ар бир киши өз тагдырынын кайсы бир элементтери үчүн чечим чыгара алат, канчалык чектелген түзүм болсо дагы, кырдаалдарды башкарууга жана айланасында болуп жаткан нерселерге маани берүүгө мүмкүнчүлүк бар. Ар бирөөнүн- жеке кишилердин жана жалпы калктын - орду/ролу бар. Экинчиден, мындаи нерсе калкка карата позитивдүү жана конструктивдүү баяндарды жарата албайт, мисалы: балдарды калк өз тарыхынын актору/жассочу/жаратуучу боло албаган, кур-

мандык катары сүрөттөгөн китечтер менен окутуу патриоттуулукту жана коомдук милдеттөмөнү түзүүгө жардам бербейт. Учунчүдөн, орто азиялыктар өздөрүнүн Советтик тарыхынын акторлору/жаргуучулар болушкан жана Советтик өтмүшүн кайрандан карап чыгуусу керек жана ал өтмүштү өздүк кылыш алууга, улутташтырууга тишиш. Себеби, алар азыркы улуттарды жараткан зор коомдук жана маданий өзгөрүүлөргө туш болушкан, ошондуктан өтмүштү четке какпастан өздөштүрүп алуусу керек.

Зарина Урманбетова:
Биздин журналдын аты **НЕ-МОНОМИФ**, сиз бул атты кандай чечмелейт элеңиз?
Сизге бул идея жактыбы?

Марлен Ларуэль: Менин түшүнгөнүм боюнча, бул улуттук мифологияга таандык уникалдуу чектен баш тартып, чын-

дыкты кабыл алуудагы көп түрдүүлүктүү көрсөтө турган улутка тиешелүү баяндардын көптүгүнө үндөө. Мага абдан жакты. Бирок мени ойлонткону “НЕ” деген бөлүкчө, азыркы учурдагы “мономифтин” түзүмүн өзгөртүү кайсы бир деңгээлге чейин гана маанилүү, белгилүү бир убакыт өткөндөн кийин долбоор бир нерсени моюнга албоо же бир нерседен баш тартууга гана байланыштуу болбой калат, конкреттүү күн тартибин өнүктүрүүгө байланыш керек: азыркы максат мономифти жокко чыгарууда эмес, көп мифти негиздөөчү же улуттун көп үндүүлүгүндө болушу керек.

"Кош келиңиз, Президент мырза!"

Реж. Т. Бирназаров. 2018 г.

Зарема Касендеева - театральный и кинокритик:

Темир Бирназаров - режиссер мыслящий, рефлексирующий. В его арсенале вся мировая классика. Картина, в которой повествуется о том, как бывший президент вернулся в страну, - раздает приветы и Горькому, и Гоголю с Чеховым, и Курасаве, и Серебренникову. История маленького человека всегда будет интересна в свете разных коллизий, предлагаемых обстоятельств. Ибо все это отпечатывается как самим временем, так и уместными вопросами, в т.ч. про самоидентификацию общества, под призмой наших собственных иллюзий и мнений - в ткани современности. Приглушенные краски,

средние планы, акценты на детали. В фильме очень хорошо прослеживается предсказуемая составляющая - жизнь не имеет сослагательного наклонения. Но есть работа над ошибками. Только вот работа эта никому не нужна. Ошибки затерты, списаны... Лишь собственное знание прошлого - царапает душу, нет покоя человеку. Потребность "на миру и смерть красна" - не про нашего героя.

Квинтэссенцией всех размышлений становится беседа с бомжами. О, тут имеются и свои Сатины, и свои Васьки Пеплы... И Лука тоже здесь. Горький в разрезе кыргызстанской действительности - это мощно, местами гротесково, а значит, всегда обличительно.

Язык фильма заставляет

рассматривать сюжет сквозь призму сатиры и трагифарса, которые слишком остры, чтобы аллегорически обнажать наше с вами бытие. И с этой точки картина на самом деле выступает фельетонным гимном действительности. Режиссер великолепно поработал с артистами. Они у него живые, трогательные и смешные.

Очень хорошо. Очень полезно. Не в бровь, а в глаз.

Алексей Юсупов -
аналитик, котормочу.

Зарина Урманбетова: Негизи, эстөө бул маанилүү нерсеби? Так ошол биз Эсимде долбоорунда камтып жаткан эстөө түшүнүгүнүн тегерегиндеги маданий/тарыхый эс тутумду алсак.

Алексей Юсупов: Эстөө абдан маанилүү деп ойлойм. Негизи мен үчүн бул башка нерсеге, жеке инсандык эс тутумга өтүү болуп эсептелет. Менимче жеке инсандык эс тутумдун өзү эле абдан татаал нерсе. Кайсы бир убакытта мисалы менде кандайдыр бир обсессия бар эле, баардык нерселерди жазып туруу, билеттерди сактап коюу, эстеликке сүрөт тартып алуу, сувенирлерди сатып алуу сыйктуу нерсе бар экенин түшүндүм. Мунун баардыгы материалдык жол менен башыңан өткөн нерсени кармап/ сактап калуу да; бул автономия маселеси, эгер мен өз башыман өткөн нерсе-

лерди жакшы эске тутуп алсам, анда бул менмин. Ал эми ал нерсе өтүп кеткен болсо, жана ал тууралуу башка бирөө билсө демек ал эс тутум ошол кишиге баардык интерпретациялар, жоромолдору менен ага таандык. Менимче ошол эле механизмдер үй-бүлөлүк, же мектептен калган, шаардык, улуттук, маданий болсун, коллективдик эс тутумга дагы тиешелүү. Башкача айтканда эгер биз башыбыздан өткөн нерселерди эстей алсак демек биз чындыгында ошол окуялардын ээлериbiz. Качан гана окуялар биздин башыбыздан өткөн болсо, демек билдин тагдырыбыз. Ал эми бизге карата бир нерсе жасалган болсо, орус тилинде мындај аракеттер абдан жакшы сезилет. Биз абдан пассивдүү объекттербиз, мисалы жаан жаап, биздин үстүбүзгө төгүп өттү; ушул сыйктуу эле тарыхый окуялар дагы биздин башы-

быздан өттү, ошондо гана биз ал окуяларды эстеп, ал окуялар тууралуу сөз кылып, жазып, ой-жүгүртүп баштайбыз ошондо биз ал окуяларды кичине болсо дагы өзүбүзгө таандык кылып алабыз.

Зарина Урманбетова: Ммм. Билесизби биз бир жолу доктор Марлен Ларуэлль менен Советтер Союзу жана постсоветтүүлүк тууралуу сөз кылып, ал биз азыркы учурда постсоветтик коом, Кыргызстан катары антисоветтик, антиорустук өнүттү албашыбыз керектигин айткан, анын ордуна кайсы бир жетишкендиктерди улутташтырып, өздүк кылып алуу керек деген оюн билдирген эле. Башкача айтканда, егер Экинчи Дүйнөлүк согушту алсак, ал жеңиш бир гана Орусияныкы эмес, ал жеңиш баарыбыздыкы; мындайча айтканда ушундай түшүнүктө кароо керек. Бул сиз жогоруда

айткан ойго окшошпу?

Алексей Юсупов: Ооба, мен айтып жаткан нерсеге абдан окшош. Себеби өткөн чакка болгон өзүбүздүн мамилебиз пайда болгондо, мындей мамиле конкреттүү, партикулярдуу болушу мүмкүн, ошол эле учурда бир эле кыргызстандык эмес, ар кандай болушу мүмкүн, ошондо өткөн чакка түшүнүк берүүгө интеллектуалдык жөндөм пайда болот. Ошол учурда окуялардын курмандыгы катары эмес, толук маанидеги жана жоопкерчilikке ээ авторлош катары кабыл алса болот. Себеби курмандыктын ордунда болуу дайыма оңой. Дайыма басып алуучулар келип бир нерсе кылып, эзилген, жеңилгендөрден болуу оңой. Ал эми ким ошол окуялардан пайда тапкан, кимге оор болгон, ким репрессияга дуушар болгонун, ошол процесстердин

оордугун чечмелөө... Кыргызстанда айгөлөк үчүн заастык бөлүктөр жасалган. Бул нерсе дагы эс тутум да? Мындаиды билиш керек, кичинекей бөлүкчө, адамдын биринчи жолу Жер шарынын сыртына чыгуусу. Ушундай мааниде. Кантип мындан жигердүү түрдө баш тартып, жок дегенге болсун?

Зарина Урманбетова: Биздин эсибизде жок ал!

Алексей Юсупов: Мына. Себеби ал нерсе Советтер Союзу деген белгиге таандык катары көрсөтүлгөн, демек ал чоочун нерсе. Бул өзүн өзү алдоо сыйктуу.

Зарина Урманбетова: Мындаидай изилдөө, эс тутумду сактоо эмнени берет? Келечек үчүн, келечек муунга деп коёлу мисалы?

Алексей Юсупов: Эс тутумдан жигердүү түрдө баш тартпаш керек, мен

мындаиды Европалык мисалдардын негизинде жакши билем. (Германия албетте өзгөчө учур). Тарыхый эс тутум маселеси оор окуялар болуп өткөн көптөгөн өлкөлөрдө курч болуп эсептелет. Бул Испаниядагы Франко режими болсун же Венгриядагы нацисттик Германия менен болгон коллаборационисттер болсун; баардыгынын өз "кыңыр иштери" бар, ошол иштер алардын өздөрүнө такыр башка өнүттү тартуулайт. Ошол эс тутумсуз жөн гана эстей албай калуу мүмкүн. Мындаид нерсе болгон эмес деп айтуу. Бирок эс тутум бейанцезимдин денгээлинде иштей берет. Башкача айтканда эгер Советтик мезгилдин жетишкендиктеринен баш тартсак бул бизди субъекттер катары автоматтык түрдө советтик мезгилге чейинки архайкага алып барып таштайт. Мына ушул нерселердин баары биздин эмес болсо,

ага чейин эмне болгонуна көңүл буруп баштайбыз

Зарина Урманбетова: Биз ошол нерсени кылып жатпайлышбы?

Алексей Юсупов: Биз баардыгыбыз, постсоветтик мейкиндиктегiler ошол нерсени кылып жатабыз, өзгөчө Орто Азияда. Биз ошол ар кандай жарым тондор жана көлөкөлөр көп болгон оор мезгилди карап чыккыбыз келбейт. Туурабы? Ал эми биз ага чейинкини карап жаткыбызда жанагыдай, Орто Азиялык шаарлардын ортосунда 3000-жыл, 4000-жыл деген сыйктуу, абдан күлкүлүү атаандаштыктар башталат. Кайсы бир тарыхтын узактыгы аркылуу биз, бул биздини деген позитивдүү маанайды жаратууга аракет кылабыз. Бирок ошонун баардыгы бизден абдан алыс.

Зарина Урманбетова:

Менин үй-булө мүчөлөрүмдүм баардыгы Кытайга качышкан, Үркүндө. Андан кийин чоңатам ошол жөнүндө жазып чыккан. Ошол чыгармадан биздин үй-бүлөбүз эч качан бай-манаптардын катарына кошулбаганын окугам. Бүгүн деле бай-манапчылык мен үчүн терс түшүнүк, эмнегендир терс мамилем бар, ошондой эле басмачыларга дагы. Бүгүнкү күндө бул тема талкууларда көтөрүлүп, кээ бирлери алардын статусун карап чыгууну сунуштап жатышат. Сиз бир жолу Афганистанда, Памирде "басмачынын" түкүмү болуу бул сыймык деп айттыңыз эле. Ошол тууралуу кененирээк билгим келет.

Алексей Юсупов: Бул Памирде сыймык деп айта албайм, Афганистандын түндүгүнүн баардык жеrinde басмачы тукумунан чыккандарга позитивдуу мамиле бар.

Зарина Урманбетова: Бул аларды баатырдаштыруубу?

Алексей Юсупов: Албетте, өзгөчө тарыхында жарық бөлүмдөрү анча көп эмес мындай өлкө үчүн бул баатырдаштыруу. Тарыхтын бул бөлүгү романтикалаштыруу үчүн жетишээрлик деңгээлде ыраак, бирок үй-бүлөлөрүнүн таржымалынан конкреттүү басмачылардын тукуму экенин биле тургандай жетишээрлик деңгээлде жакын. Алар эч качан келбegen көз карандысыздык үчүн күрөшкөндөр катары кабыл алынышат. Ал кишилер жөн гана чыдап отура бербестен, бир нерсе кылган кишилер. Негизинен ал жерде толтура эмоциялык жана маданий ассоциациялар бар. Жалпысынан эс тутум үчүн эмоционалдык түзүмдөр маанилүү. Ошондуктан архивдештириүү, келгиле

ээлеп алабыз дешкендей...

Мен негизинен эс тутум менен архивдик-юридикалык жактан иштөөгө скептикалык көз караштамын, келгиле статус берели, кесипкөй чогулуш уюштуралы, архивдерди ачалы... Мындай нерсе эч жакка алып барбайт. Мындай дискурс кайсы бир коомдун ичинде эле калып калат. Кеп эмоционалдык нерслер жөнүндө болуп жатат жана бул абдан оор нерсе, бирок бул бөлүмдөн өтүш керек, түшүнүп, ар тараптан карап чыккандан кийин гана теңдөө башталаат. Ошондо ар ким ар кандай интерпретациялар бар торчодон бул эс тутума кандай мамилеси бар экенин өзү тандайт. Бирок мындай болуусу үчүн ал ачык болуусу керек. Башкача айтканда

Зарина Урманбетова: Маалыматты?

Алексей Юсупов: Ооба,

башкача айтканда интерпретацияланган вариантар ачык, кол жеткидей болушу керек. Мындайча айтканда, аларга бир гана остракизм, санкциониялар жана башкалар менен терс мамиле кылуу мүмкүнчүлүгү гана болбошу керек. Андан кийин ар бир киши басмачынын тукуму болгонуна сыймыктанышы керекпи чечип алат. Же кээ бир учурда ошол тукуму болуп туруп такыр башка дискурсту карманышы жана "жок алар учурдан артта калышты, ошол советтештириүү программасында болгон нерселердин баары өлкөгө алар ойлогондон да пайдалуу болду" деши мүмкүн.

Зарина Урманбетова: Биз мындайды көз карандысыз түрдө кабыл алганга алыбыз жетеби? Мага сиздин байкоолорунуз, бааңыз кызык болуп жатат. Мындай алып караганда биз көз карандысыздык-

ка жеттик да? Башкача айтканда, ошол Советтик жана басмачылык деген дуалдык карама-каршылыкты кайрадан алып келүүнүн кажети барбы? Менин жеке пикиримде басмачыларды дагы, репрессияланган саясатчыларды дагы баатырдаштыруунун кереги жок. Алексей Юсупов: Толугу менен кошулам, ооба, мен дагы баатырдаштыруу кереги жок деп ойлойм. Сиз туура айтасыз, дуалдык карама-каршылык эч жакка алып келбайт. Мен бул теманы жакын билбендиктен бул тууралуу сөз кылуу мен үчүн оор. Өзгөчө азыркы учурдагы Кыргызстанда бул теманын тегерегинде болуп жаткан талкууларды билбейм, бул жаралуу тема жана баардыгы бул жөнүндө билишби. Эгер жаралуу тема болсо анда анын үстүнөн иштөө керек. Башкача айтканда анын үстүнөн ал жаралуу болбой калганга чейин иштөө керек. Ошондо

бул тема бүгүнкү күн үчүн анча деле маанилүү эмес экени билинип калышы мүмкүн. Ошентип жаракат дагы болбой калат. Мунун өзү эле жетишкендик.

Зарина Урманбетова: А балким бул тема, ушул багытты/теманы изилдегендерге гана актуалдуу болсочу? Кээде эс тутум темасы эч кимге, өзгөчө жаштарга кызыктуу эмстей сезилет. А балким эс тутум темасы кезектеги эле изилдөө чөйрөсүнүн дин гендер же этнос деген сыйктуу кезектеги тренддир? Илимпоздор, изилдөөчүлөр жасалма түрдө ушундай трендди алып келип аткан жокпузбу?

Алексей Юсупов: Ооба, мен макулмун, бирок мындай нерсенин жаман жагы жок. Мындай кырдаалда мен бираз болсо дагы моделдүү түрдө орус-советтик аксио-

маны дээрлик колдойм, негизги жумушу катары ой-жүгүрткөнгө экономикалык мүмкүнчүлүгү жол берген кишилер, мындайча айтканда соода-сатык же такси айдоо менен эмес, ойлонуп иштей турган кишилердин бар болгону, ошондуктан коомдо мындай милдет так ошол кишилердин мойнунда. Бул нерсе дагы көп убакытка чейин актуалдуу эмес болушу мүмкүн. Ал эми бир учур келип, актуалдуу болсо, ошол убакытка чейин чоң иш жасалып келатканы жакшы нерсе. Бул тема тарыхый экенин, ошол эс тутум темасы жаралып, анан эч ким кайсы бир жалпы жерлер, кайсы бир эмоциялардын саясатташуусунан башка эч нерсе айта албаганда сен баарын түшүнүп турсаң ошол жаман. Ошондуктан бул жерде эч кандай карама-каршылык жок, ал абдан кууш тема болушу мүмкүн. Ал тема менен

сөзсүз түрдө иштөө керек. Бирок бул иш, бул ыра-кеннануу эмес, бул хобби эмес. Өткөндө Орусиялык белгилүү коомдук интел-лектуал, ачык китепканалардын автору Николай Солодников менен жо-луктум. Анын айтмында, баардыгыбыз (өзү мурдагы Суворовчу болгондуктан аскердик тилдин маа-найында сүйлөйт), ал жана биз маданияттын жоокер-лерибиз, биз тарыхтын жоокерлерибиз. Ошон-дуктан эч нерсеге кара-бай иштей бериш керек, кишилер көрүп жатабы же көрбөй элеби. "Лайк" басып атабы же баспай элеби, элдер келеби же келбейби, ретвит кылабы же кылбай-бы карабаш керек. Кайсы бир учурда анын баары өз ролун ишке ашырат. Жөн гана ошол нерсеге ишениш керек жана кәэде талку-лап туруу, болду. Так ошол чөйрө, интеллектуалдык иш-аракеттер реклама, сатуулар, популярдуулук,

медиа жана башка ушул сыйктуулардай болуп иштебеши зарыл. Себеби, ал тармакта жөн гана канча сандагы кишилер келип бир нерсе десе эле бир мааниге ээ эмес.

Зарина Урманбетова:

Менимче кәэ бир кишилер бул ойлоруңзга кошул-башы мүмкүн, себеби, азыркы күндө РР, реклама, өзгөчө SMM жана (тилекке каршы) ретвиттер, "лайк-тар" абдан маанилүү.

Алексей Юсупов: Эмнеге?

Зарина Урманбетова:

Өз пикирин жайылтууга, мисалы.

Алексей Юсупов:

Мына караңыз, ушул тема (эс ту-тум) буюнча конференция өткөрдүнүз, андан кийин баардык социалдык тар-мактарда жаздыңыз дей-ли жана миндеген "лайк" алдыңыз. Бирок бул сандар бир гана нерседен кабар берет: ошол учурда сиздин

конференцияңыз туура-луу маалымат алардын маңдайынан чыгып калган. Негизинен азыр баарыбыз-га эле маалым болгондой, киши экрандагы маалы-матты 13-20 гана секунд карайт. Анан? Бирок, ошол

1000 кишинин арасынан 5 же 10, же болбосо 3 киши-ниң болсо дагы жашо-сунда ошол маалымат эң чоң ролду ойноп калышы мүмкүн. Ал эми ал кишилер мугалим, жаш жазуучулар, же кайрымдуулукка акча бергиси келген ишкерлер, же болбосо келечектеги са-

ясатчылар болуп калышы ыктымал. Ошол 995 эмес, калган 5 киши маанилүү да?! Бизде болсо ошол кишилердин ким экенин билүү мүмкүнчүлүгүбүз жок, ошондой эле биз тема жана ал теманын оордугу менен беттешүү процес-си аркылуу кишилердеги өздөрү байкабаган кызы-гууну жаратып жатабыз. Мындан нерсе үчүн сандык ченем анча деле маанилүү

эмес. Бул жерде мен тескерисинче марксист көз карашка ээмин, биз өзүбүздү конференцияяга катышкандардын санын көрсөткүч катары кароо менен коммерциялык логикага өзүбүздү колони-ялдаштырууга мүмкүндүк бердик деп ойлом. Канча "лайк" алдык, канча нуска басылып чыкты, же ошол эле журналдарга макала-ларды жарыялоо система-сы макаланын канчалык таасирдүү экенин санап чыгат эмеспи, ал эми ошол саноо үстүртөдөн эле болот да туурабы? Сандык өлчөм менен. Ушул парадигмада, интеллектуалдык орундуулуктун сапатынын маанилүүлүгүндө маалы-матты жайылтуу эң башкы критерий болуп калууда. Тилекке каршы азыркы парадигма менин оюмча туура эмес.

Зарина Урманбетова:

Абдан кызыктуу экен. Советтүүлүк,

постсоветтүүлүк идеясына кайтып келсек, СССРдин мурдагы өлкөлөрүн, бизди постколониалдык деп ато-ого мүмкүнбү?

Алексей Юсупов:

Менин пикиримде бүткүл Совет-тер Союзунун мейкиндиги, анын ичинде Орусия пост-колониалдуу эмес. Себеби ал жакка дагы деле келише элек.

Зарина Урманбетова: Биз дагы деле колониалдаш-канбызы?

Алексей Юсупов: Биз аралашып. Гибриддүүбүз. Бизде дагы деле колониал-дуу нерселер бар; ал эми кәэ бир нерселер болсо колониалдуу нерселерге жигердүү түрдө карама-каршылык менен болуп келет. Бирок мамилелердин түзүмүнөн алып караганда, экономикалык жактан эч нерсе деле өзгөргөн жок, товар жүгүртүү өзгөргөнү менен, борбор-перифе-

рия мамилеси кетпейт да. Тилекке каршы канчалык геосаясатты жана географияны жакшы көрбөсөм да, аларды тандоого болбойт. Биз бүгүн, эртең Кыргызстанда, алып туруп кошуналарбызы алмаштырууну добуш аркылуу чече албайбыз да туурабы? Башкача айтканда мындан жагдайлар кандайдыр-бир нерселерди бизге таңуулайт, ошондой эле колониалдуулукту, пост-колониалдуулукту дагы таңуулайт. Себеби, жаштар интеллектуалдык жактан мамилелердин мүнөзүн түшүнүүгө аракет кылып жатканда борбор-peri-ferия түшүнүгүнө кайтып келишет. Мигранттар кай-сыл жактан келип атышат, тили кайсы, телевидениеге келген маданий азыктар, ушунун баардыгы бар. Бирок менимче чыныгы постколониалдык өнүгүү баардык жерде бирдей башталат; ошондой эле процесс Орусияда дагы

ошондой эле башталышы керек. Башкача айтканда Орусия дагы өзү жөнүндө постколониалдык мааниде ойлонуп башташи керек. Андай нерсе кээ бир гана академиялык тар чөйрөлөрдө болбосо башка жерлерде баштала элек. Керек болсо эң мыкты деген, "либералдуу" ой-жүгүрткөн, мыкты иштерди кылышп келаткан калктын катмарындагылар да өздөрүнүн мурдагы боордош республикалары тууралуу ой-жүгүртүүлөрүндө терең колониалдашкан кишилер. Андай нерсе азырынча жок, баштала элек.

Зарина Урманбетова: Неоколониализм келе жатса постколониалдуулук башталабы?

Алексей Юсупов: Бул абдан жакшы суроо экен. Менде бул суроого жооп жок, бирок менимче башталат. Себеби, азыркы болуп жаткан процес-

стер бири бирине катмар катмар болуп жаткан нерселер. Бир эле учурда жаңы нерселер аркылуу неоколониалдашуу жана мурдагыдан арылуу болот. Башкача айтканда мына биз бул процесстин ичиндебиз деген сыйктуу бир парадигмалык процесс жүрбөйт, мындей нерсе эч качан болбoit. Менимче баардыгы бир убакта болот. Кээ бир кишилер бир процесске, башкалары башкасына катышышат. А балким ошол процесстер бири бири менен он же терс өз ара аракеттенишишет. Неоколониалдашуу деколониалдык, постколониалдык процесстин тездешине алыш келиши мүмкүн. Балким элдер: "мындей нерселер эми болуп жатат, биз акыркы 100 жылда көз карандуулуктан чыга албай жүрөбүз"- дешет. Билбейм. Менимче бул нерселер параллелдүү жүрөт жана кызыктуу болот.

Зарина Урманбетова: Сиздин тажрыйбаңыз абдан чон, ар түрдүү, антропологиялык талаа экен! Сиз кайсы өлкөдө жашап, иштей тургандыгыңызды өзүңүз тандайсызыбы?

Алексей Юсупов: Баардык эле мамилелерде болгондой иш берүүчүбүз менен макулдагуу процесси бар. Мурда ишибиз дипломатиялык кызматтагыдай ротациялык системага ээ болчу. Башкача айтканда ар 3-5 жылда башка жерлерге кетиш керек эле. Мындей система кызыктуу кырдаалдарга байланыштуу, мага дагы кызык болчу эмнеге андай кылышат. Мисалы дипломатиялык кызматта эмнеге ротация керек? Сен иштеп жаткан жер/ "талаа" менен тамырдашып кетесин деген түшүнүк бар. Башкача айтканда кандайдыр бир пикирлерди, коннотацияларды, мамилелердин системасын кабыл алыш баштайсын; андай

өзгөрүүлөр сени ошол жерге жөнөткөн жактын өкүлү, элчиси болууга тоскоолдук жаратат. Ошондуктан ал өзгөрүп турат жана уюм, маданий институттар, саясий фонддор, же академиялык алмашуу программалары болсун, же болбосо GIZ сыйктуу техникалык кызматташуу менен иштеген уюмдар алар дайыма кызматкерлерин бир жерлерге жиберип турушат. Ошол учурда сүйлөшүү процесстери башталат. Абдан кызыктуу процесстер. Мен эч качан мага кызык болбогон жerde/өлкөдө иштеп, жашаган эмесмин. Жолум болду. Андай болбой калышы дагы мүмкүн эле.

Зарина Урманбетова: Сиз бир жолу Памирдеги кыргыздарга барып келгеницизи эч качан унутпайм деп айткан элеңиз. Эмнеге эч качан унутпайсыз?

Алексей Юсупов: Мен ал учурду эч качан унутпайм. Себеби он экидей киши, баардыгы эркектер чогу үстөлдүн үстүндо чай ичип отурганбыз. Жана алар (Памирлик кыргыздар) бир эле учурда ушунчалык жакын сезилди, мендеги кыргыздык денгээли абдан эле аз, мен эч качан жарым жылдан ашык убакыт Кыргыстанда жашаган эмесмин, бала чагымда кыргыз тилинде жакшы сүйлөчүмүн, бирок бир учур келип, ал нерсе дагы калган жок. Биз ошол учурда бетме бет отурдук эле, жана алар мага ушунчалык жакын сезилди, себеби алардын сүйлөгөндөрүнүн көп бөлүгүн түшүнүп жаттым. Алардын жүздөрү тааныш эле, алардын мандайында отуруп, биз бир нерсенин бөлүгү экенибизди андап билдим. Бир жагынан болсо алар укмуштуудай узак/чоочун сезилди. Аялдарына кылган мамилеси,

жөнөкөй арифметикалык нерселерди билбегендиги, кайсы бир суроолорго болгон алардын реакциясы. Колониалдык маселеси дагы абдан кызык. Кыргыз тилине модерндин терминдери, феномендер орус тили аркылуу курсе, мисалы "прививка", же техникалык сөздөр, "зачет" деген сөз сыйктуулар, башкача айтканда феномен катары келген нерселер тил аркылуу келген. Ал эми Памирлик кыргыздарда орус тили менен байланыш түзүлбөгөнү менен феномендер баары бир келген да, алар көбүн эсэ фарсиге, андан соң Памирлик кыргыздар сүйлөгөн дари тилине келген француз сөздөрүн колдонушат. Ошентип Памирдеги көчмөн кыргыз үй-бүлөлөр заманбап дүйнөнүн элементи болгон нерселер үчүн француз сөздөрүн колдонушат. Биз бир эле учурда абдан жакын жоочун эке-

нибиз жана советтүүлүктүү аndoодо мен үчүн абдан маанилүү учур болгон. Себеби ал кишилердин миграциясында жана качышында, алардын жаңы жер издөөсүндө бир нерселер башкача журуп кеткенде азыркы мен бой калышым мүмкүн эле. Мен алардын бир бөлүгү болуп калышым ыктымал болчу. Башкача айтканда жашоонун узактыгы 40 жашка жакын, жазганды, окуганды билбеген аялдар жана эркек кишилер, медициналык кызмат жок, төрөт жана балдардын өлүмүнүн деңгээли абдан укмуштуудай. 10-12 баланын ичинен 5-6 жашап кетсе жакшы. Ошонун баары ошол (тил, модерн, башка система менен) беттешүүнүн/байланыштын жыйынтыгы. Алардын качышы, түндүк жакта, башкача айтканда бул жакта болуп өткөн модернизациялык процесстерге алардын салыштырмалуу түрдө катышуусу,

ушунун баары үстөлдүн үстүндө чай ичип отурганда көрүнүп турат. Бул абдан чоң, эste калаарлык нерсе болгон.

Зарина Урманбетова: Эгер сиз Эсимде командастынын катарында изилдөөчү болгонуңзда кайсы темаларды изилдейт элеңиз?

Алексей Юсупов: Мындаи суроого даяр болуш керек. Мен жооп бере албайм.

Зарина Урманбетова: Сиздин Кыргызстан туура-луу билгендериңизге жана тажрыйбаңызга таянып жооп берсеңизчи?

Алексей Юсупов: Эс тутумбу? Биз башта айтып кеткендей эле, маданий, коллективтик жана коомдук процесстердин жуурулушуп кеткенин көрсөтүүгө аракет кылмакмын. Мага англис тилиндеги social fabric деген түшүнүк жагат, ошол кездеме, текстиль

түшүнүгү менимче идеалдуу түрдө коллективдик, маданий жана коомдук процесстердин жана продукттун жууруулушкандыгын көрсөтүп турат. Ошентип билим берүүдө, медицинада, спутник же айгөлөк курууда, согушта, же башка нерседе болсун бүтүндөй 20-кылымдын жетишкендиктеринде бар болгон жиптерди табуу. Канчалык көп экенин жана алар бир эле учурда "биздикى" жана баары бир деле бир бүтүндүн бөлүгү катары кала ала турганын көрсөтүү. Бөтөнчө туризм мага такыр жакпайт, же бул нерсе толугу менен биздикى, же таптакыр биздикى эмес деген нерсе. Бул абдан жаман нерсе. Себеби дүйнөдө эч нерсе мындаи жол менен болбойт/иштебейт. Ал эми саясий тармакта мындаи нерсе алтын стандартка айланды. Ар бир өлкө өзүнө бир жазуучуну, бир баатырды, бир жол башчыны, бир

тарыхый окуяны таандык кылып алып, датаны белгилеп, алтын иденттүүлүктүн стандартты болуп калууда. Бул абдан жаман нерсе. Бул өкүнүчтүү абдан.

Зарина Урманбетова: Бул жакта (Кыргызстанда) сизди дагы өздүк кылып алуу аракеттери бардай түюлду мага.

Алексей Юсупов: Ооба, менде дагы ошондой туюм бар.

Зарина Урманбетова: Бир постто окуп, бир жерден угуп калдым сиз тууралуу "биздин бала" дешкенин. Алексей Юсупов: Биздин бала, ооба биздикى дешет, мен дагы байкадым.

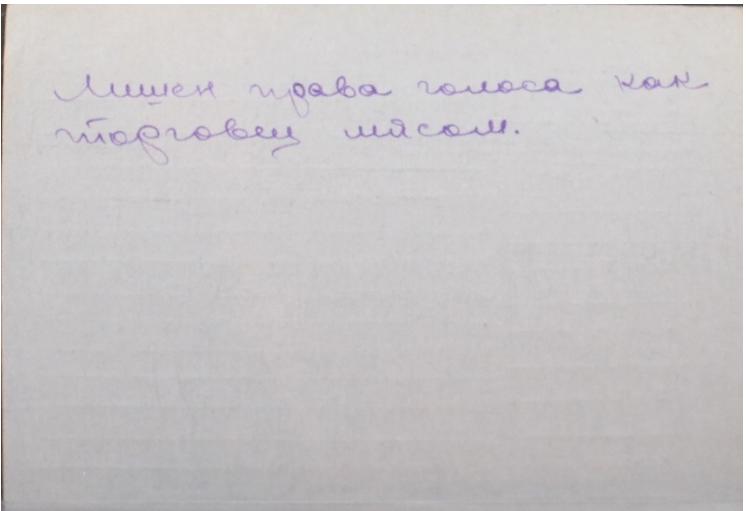
Зарина Урманбетова: Сиз өзүнүздү "биздин бала" деп сезесизби?

Алексей Юсупов: Жок. Мен өзүмдү эч жакта андай сезбейм. Башка-

ча айтканда мен өзүмдү башкача болгондугуман андай сезбейм деп айтпайм. Бирок, ошол эле учурда мен бул жакка (Кыргызстанга) келгенде мени жана бул жер менен, менин эс тутумум, тайэнем аркылуу берилген жана үй-бүлөм аркылуу өткөн эс тутум менен толугу менен башкача, уникалдуу мамиле бар экенин жокко чыгаруу акылсыздык болуп калат. Ошондой эле азыр мен тааныган конкреттүү кишилер менен болгон мамилени дагы четке кагуу болбойт. Мен дүйнөнүн жараны болот дегенге ишенбейм, менимче бул алдамчы, космополиттик концепт, андайлар жок.

Эгер бар болсо дагы алар укмуштуудай байлар жана каалаганын жасай алышат. Бай болгону гана ошол космополиттигинен кабар берет. Негизи ар бир кишинин канчалык аны танышпасын бир жерде тамыры бар. Мен жөн гана танбайм,

ошондуктан мен үчүн баары ыңгайлуу. Бирок бул мен автоматтык түрдө өзүмдү кыргызстандык бир нерсенин бир бөлүгү катары сезип жатам дегенди билдирибейт. Дайыма маалымат алып турам, кубанам, бирок өзүмдү андай сезбейм.

Фамилия:
Мадылан Юнус.

Род деятельности:
Торговец 2 разряда.
Род торговли:
Варенное мясо.

Дата документа:
12/08/1926
Род документов:
Список торговцев

Лишен права голоса как
торговец мясом.

Наименование госархива	А Л Ф
Кодекс Чуйский Областной	21
Наимен. и № фонда	710
Харлаков Николай Сергеевичем	
Опись №	2
Арх. №	8
л. л. 136	
Составитель	Джан
Дополнительн. сведения см. на обор.	г. Пржевальск, облатипгр. Зак. 979—5000

Архивные документы
предоставлены
Иссык-Кульским
областным
государственным
архивом.

